

УДК 316.37

От этнокультурной к личностной идентичности: актуальный тренд социокультурной глобализации

А. Ленсмент, преподаватель*

Одна из современных мировых тенденций заключается в том, что культурное многообразие глобального мира часто подталкивает личность искать опору в своей субъективности и тем самым усиливать не социальную (этническую) идентичность, а индивидуальную. В статье данная тенденция рассматривается на примере русской диаспоры в Эстонии. Автор обосновывает тезис о том, что для русских в Эстонии кризис идентичности разрешается не столько за счет причисления себя к группе русских или «еврорусских», сколько за счет актуализации личностной идентичности.

Ключевые слова: личность, этнокультурная идентичность, индивидуальная идентичность, идентификация, диспора, глобализация.

From Ethno-Cultural to Personal Identity: the Current Trend of Social and Cultural Globalization

A. Lensment, Lecturer

One of the remarkable features of global socio-cultural development of nowadays is that the world's cultural diversity often makes one pursue his / her subjectivity and, thus, does not by any means contribute to social or ethnic identity, but to individuality only. This trend is analyzed in the article through the case of the Russian diaspora in Estonia. The author substantiates the idea that the crisis of identity in Estonia is resolved by Russian nationals not exactly by attributing themselves to a community of "Russians" or "Eurorussians", but rather by actualization of personal identity.

Keywords: personality, ethnic and cultural identity, personal identity, identification, diaspora, globalization.

Одна из актуальных проблем, связанных с социодинамикой современных глобальных обществ, состоит в перманентном нарастании экономической, социально-политической и экологической нестабильности. Существенным проявлением этой системной нестабильности выступает обострение социальных отношений в сфере культуры и, в частности, в тех ее измерениях, где особый статус приобретает проблема определения и сохранения этнокультурной идентичности.

Дж. Шварцмантель [1], М. Штигер [2], Д. Харвей [3] в своих исследованиях современной идеологической картины мира указывают на то, что в настоящий момент новую идеологическую структуру на мировом уровне определяет преобладание глобализованного неолиберализма и противодействие ему. Штигер, исследуя дискурсивное доминирование глобализма в течении последних десятилетий, приходит к выводу, что «глобализм стал доминирующей системой политических „верований“ нашего времени, в соответствии с кото-

рой должны определиться все те, кто бросает ей вызов» [2, с. 12], в том числе представители движений, отстаивающих сохранение и усиление этнокультурной идентичности.

В контексте современных общественных трансформаций проблема этнокультурной идентичности становится подлинно глобальной. В ней отчетливо проблематизируются две основные стратегии: стратегия классических национальных движений, в которых этнокультурная идентичность выступала ресурсом сплочения больших масс людей для осуществления масштабных общественных проектов; стратегия перехода от масштабных проектов идеологической трансформации к защите и признанию ряда конкретных идентичностей, которые активно продуцируются в современных обществах. Все чаще вместо стремления объединить людей для того, чтобы воплощать в жизнь масштабные социокультурные проекты, акцент делается на принятии существующих в обществе неизбежных различий и на скептическом отношении к масштабным программам политической активности [1, с. 212]. В частности, опыт развития современной Эстонии как независимого суверенного государства подтверждает тезис о доминировании феномена личностной идентичности среди молодых представителей русской диаспоры в Эстонии.

* Преподаватель Таллиннского технологического университета, аспирант кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ. Научный руководитель — доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ А. И. Зеленков.

В связи с распадом Советского Союза и восставлением независимости в 1991 г. представители русской этнокультурной общины в Эстонии резко изменили свой статус: из представителей русскоязычного большинства, относящегося к титульной нации, они стали меньшинством в независимой Эстонии. Кроме того, с момента присоединения Эстонии к СССР и до восстановления независимости русская диаспора в Эстонии имела в основном опыт сегрегированного сосуществования с представителями автохтонной группы. Все это с неизбежностью обостряло вопросы самоопределения в новых социальных условиях, поиска и легитимации новой этнокультурной идентичности.

Известный российский социолог Р. Симонян, много лет посвятивший исследованию социальных процессов на постсоветском пространстве, так характеризует эту ситуацию: «После распада СССР русские утратили свое особое положение, которое изначально было связано с их исторической функцией в образовании Российского государства, Российской империи, а затем и Советского Союза, с интегрирующей ролью русского языка и русской культуры, но также и с внедрением в массовое сознание тезиса о том, что русский народ — это «старший брат», «первый среди равных». Более того, русским была уготована теперь совершенно иная роль. В глазах титульного населения они становились олицетворением (или напоминанием) того самого прошлого, от которого только что удалось избавиться» [4, с. 120].

В исследованиях В. Тишкова, Р. Симоняна, В. Якобсона, Т. Вихалемма, В. Калмус и др. отмечается, что в начале 1990-х гг. русские переживали ощутимый дискомфорт, связанный с психологической реакцией на новый статус [5, с. 110—124]. Если в Западной Европе большая часть постсоветских эмигрантов была нацелена на ассимиляцию [6], то в Эстонии в силу неожиданного для многих быстрого изменения статуса представителя титульной нации на статус эмигранта большая часть русскоязычной этнокультурной группы вначале была настроена на сегрегацию, тем более что кроме шока от неожиданности перемены статуса были и другие веские причины: незнание эстонского языка и принятое в наследство от царской России и культивированное в советское время высокомерное отношение представителей русской культуры к представителям других культур [7, с. 200]. Многие русские в Эстонии не смогли справиться с ситуацией и до сих пор. По мнению тартусских социологов, «воспроизводство социальной депривации среди меньшинства уже является частью процесса культурного воспроизводства» [8, с. 112]. Отмечается формирование признаков

негативной этнической идентичности, при которой собственная национальность рассматривается как помеха в социальной адаптации: «Русские в основном убеждены в том, что этническая принадлежность играет решающую роль в продвижении в эстонском обществе. Это объясняет ситуацию, однако также может служить барьером, который не позволяет людям пытаться вступать в новые отношения и социальные сети» [8, с. 112].

В то же время исследователи отмечают, что в настоящее время уровень адаптации русской диаспоры в странах Балтии существенно повысился. Согласно данным Симоняна, русская община в значительной степени адаптировалась. В наибольшей степени это касается молодых людей, выросших в Эстонии. Они, по мнению Симоняна, «отличаются от своих российских сверстников деловитостью, практичностью, трудолюбием. Они с самого начала не могли рассчитывать на чью-либо помощь и были поставлены в условия жесткой борьбы за выживание. Здесь их называют „еврорусскими“. Их меньше интересует проблема самобытности, в их мироощущении определяющую роль играет не столько национальное, сколько региональное сознание, т. е. социально-психологический феномен объединения людей не по этническому, а по территориальному признаку» [9, с. 52]. Однако, по мнению В. Якобсона, говорить о формировании нового идентитета «еврорусских» несколько преждевременно [10]. Многочисленные исследователи, занимавшиеся изучением формирования идентичности русскоязычных в Эстонии, сходятся во мнении о наличии множественности идентичностей, которые не вступают в конфликт, а дополняют друг друга.

В структуре идентичности выделяются два взаимосвязанных аспекта — социальный и личностный. Составная часть социальной идентичности — этническая идентичность. Этническая идентичность отражает осознание своей принадлежности к определенной этнической общности и связанной с ней определенной культуре. Характеризуя используемые стратегии адаптации, Якобсон отмечает, что большая часть русских в Эстонии рассчитывает на себя, а идентичность с определенной культурой играет в их жизни гораздо меньшую роль, чем стремление к достижению личностного развития [10]. Это соответствует современным мировым тенденциям, заключающимся в том, что «многообразие и относительность современного мира определяют провозглашаемую индивидуальность идентичности, стремящейся найти опору в себе и своей субъективности» [11].

Таким образом, тезис о доминировании феномена личностной идентичности подтверждается

многочисленными современными исследованиями, в которых это явление вполне оправданно интерпретируется как одна из значимых импликаций социокультурной глобализации. Для такого социологически референтного вывода существуют и вполне весомые теоретические основания: в гуманитарных науках XX в. утвердилась мысль о том, что развитие личности идет от социокультурного мира общества к индивидуальному миру личности. Представители возникшего в 1920—30-е гг. научного направления «Культура и личность» — Р. Бенедикт, К. Дюбуа, М. Мид, Дж. Хонингман и др. — свою задачу видели в выяснении того, как индивид действует, мыслит, чувствует в специфически культурном контексте. Л. С. Выготский сформулировал «закон культурного развития», согласно которому в человеческом развитии интерпсихическое (взаимодействие между людьми) предшествует интрапсихическому (сложным процессам в психике отдельного индивида) и создает условия для него [12]. П. Сорокин, развивая идею о триединстве культуры, личности и общества, утверждал, что не может существовать личности как создателя, носителя и пользователя значений, ценностей и норм без взаимодействующих с ней культуры и общества [13, с. 193].

В этой связи проблематизируется само понятие принадлежности к культуре применительно к представителям диаспор, которые живут в обществе, где доминантной культурой является культура автохтонной группы, к которой они вынуждены так или иначе адаптироваться. Какая система ценностей, например, будет доминировать у русских в Эстонии: будет эта система ценностей совпадать с ценностями эстонцев или с ценностями русских в России, а может быть, она будет отличаться и от первых, и от вторых?

Интерес для исследователя представляет также следующий феномен: несмотря на обострившуюся проблему идентичности, представители русской диаспоры в Эстонии не демонстрируют одновременно с этим более высоких форм организованной социально-политической активности: на последних выборах в парламент 2011 г. русская партия набрала менее одного процента голосов, при том что русских в Эстонии около 30 % и большая часть из них имеет эстонское гражданство.

Данный феномен становится понятным, если предположить, что для русских в Эстонии кризис идентичности разрешается не столько за счет причисления себя к группе русских или «еврорусских», сколько за счет актуализации личностной идентичности. В этом случае субъективная психологическая значимость межэтнических отношений снижается, что позволяет выйти из ситуации

межгруппового сравнения и межгруппового противопоставления. Это позволяет понять, каким образом при неравном социальном статусе выстраиваются продуктивные межгрупповые отношения. Согласно Тэджфелу [14], повышение самооценки может быть достигнуто как за счет идентификации с хорошей и сильной группой, так и за счет акцентирования индивидуального своеобразия и сравнения себя с другими не по групповой принадлежности, а по индивидуальным признакам, что актуализирует личностную идентичность: «человек будет прибегать к межгрупповым формам поведения (актуализируя социальную идентичность), если это кратчайший путь к достижению позитивной самооценки. Если же он может достичь ее на уровне межличностного общения (актуализируя личностную идентичность), ему нет нужды переходить к противоположным формам поведения данного континуума» [15, с. 136].

Следовательно, можно предположить, что для эстонских русских индивидуальные достижения выступают более эффективным средством повышения самооценки, чем опора на социальную идентичность. Соответственно, в восприятии этнического большинства значимым становится не групповая принадлежность, но индивидуальные особенности. В этом случае нет необходимости поднимать самооценку за счет дискриминации группы сравнения. Наличие личностной идентичности предполагает, что представители титульного этноса не воспринимаются как члены группы, по отношению к которой выстраивается противопоставление «мы — они», и потому не вызывают негативного отношения.

Безусловно, доказательство данных предположений нуждается в дальнейших исследованиях. Необходимо продолжать анализ данного феномена в методологии «case-studies» с использованием современных методов и процедур социологического и социально-психологического профиля. Примером может быть исследование, проведенное автором статьи с целью дальнейшего углубленного изучения феномена актуализации личностной идентичности в межэтническом восприятии среди представителей русской диаспоры в Эстонии [16, 17].

Выборку составили представители русской диаспоры в Эстонии (далее используется также сокращение «РЭ», 232 человека: 140 женщин и 92 мужчин), которые выросли и личностно сформировались после восстановления независимости (1991 г.), то есть либо родились в Эстонии (более 90 % выборки), либо прибыли в Эстонию вместе с родителями в очень раннем возрасте (до трех

лет). В исследовании принимали участие молодые люди, знающие эстонский язык лишь на уровне бытового общения и обучающиеся на русском языке. В контрольную группу вошли студенты Белгородского государственного университета (далее используется также сокращение «РР», 260 человек: 169 женщин, 91 мужчин). Все студенты обучались на тот момент на социо-гуманитарных факультетах, возраст — 18–20 лет. Этническая принадлежность определялась по самоопределению, русскими считались испытуемые, идентифицирующие себя как русские. Сравнение отношения к эстонцам русских, живущих в России, и русских, живущих в Эстонии, позволило выявить вклад опыта положения этнического меньшинства в формирование отношения к ним.

Данные социологов (Якобсона, Симоняна и др.) позволили предположить, что актуализация личностной идентичности в межэтническом восприятии связана с особенностями базовых убеждений личности относительно себя и окружающего мира. Согласно Р. Янов-Бульман, в основе того образа мира, который мы ментально конструируем, лежат три базовых предположения (убеждения): предположение о благосклонности мира; предположение об осмысленности мира; предположение о ценности собственного «Я» [18, 19]. Одним из базовых ощущений нормального человека является здоровое чувство безопасности, основанное на убеждении, что мы — хорошие люди, живущие в доброжелательном и осмысленном мире. И это не какое-то узкое представление (верование), а предельно абстрактная концепция, в основе которой лежит наше базовое доверие к миру и его приятие [20]. Многочисленные исследования показывают, что нарушение чувства безопасности, наличие унижающего опыта, снижение самооценки и пр. способствует повышению враждебности к членам аутгруппы [21, с. 461].

Русские в Эстонии как этническое меньшинство могут переживать ощущение психологического неблагополучия и испытывать негативные чувства по отношению к эстонцам как представителям доминирующей культуры. Характер отношения к другой этнической группе может быть обусловлен как убежденностью в благоприятности внешней реальности, включающей и особенности других людей, так и убежденностью в ценности собственного «Я». Эти факторы могут действовать совместно, усиливая друг друга, но, как показывают исследования, проводимые с использованием методики Янова-Бульмана, убежденность в благосклонности мира, осмысленности мира и ценности собственного «Я» представляют собой относительно независимые показатели. Это

дает возможность предположить, что негативное отношение русских, живущих в Эстонии, к эстонцам обусловлено не только положением этнического меньшинства, но и выраженностью убеждений относительно ценности мира и самих себя с отношением к другой этнической группе. Для русских, живущих в России, эстонцы не являются группой, с которой осуществляется сравнение по статусу, по месту в социальной реальности, они не занимают положение этнического большинства или меньшинства и у них нет тех оснований для негативных чувств к эстонцам, которые могут присутствовать у «эстонских русских». Сравнение двух групп по отношению к эстонцам позволяет выявить вклад опыта положения этнического меньшинства в характер отношения к аутгруппе.

В результате проведенного исследования предположение о том, что негативное отношение русских, живущих в Эстонии, к эстонцам связано не только с положением этнического меньшинства, но и с выраженностью базовых убеждений, подтвердилось. Анализ показал, что количество негативных высказываний, которые русские эстонцы (РЭ) и русские россияне (РР) употребляют по отношению к эстонцам, не обладает статистически значимым различием. Результаты бинарной логистической регрессии показали, что место жительства не позволяет на значимом уровне предсказать наличие отрицательного отношения к эстонцам. Включение этого показателя снижает процентную вероятность прогнозов. Но наличие негативных высказываний в общей выборке значимо зависит от низких показателей убежденности в благосклонности мира. Можно предположить, что испытуемые, не уверенные в том, что мир хорош и ему можно доверять, испытывающие дефицит базового доверия к миру, проецируют негативное отношение к реальности на образ представителей другой этнической группы.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что русские россияне и русские эстонцы не отличаются на значимом уровне в выраженности негативного отношения к эстонцам, а в предсказании подобного отношения к эстонцам у РР значимый вклад вносит только уровень убежденности в благосклонности мира. Это позволяет утверждать, что негативное отношение к представителям аутгруппы участвовавших в исследовании РЭ не связано с опытом непосредственного общения с ними и положением этнического меньшинства. Участвовавшие в исследовании РЭ, как об этом говорилось ранее, относятся к поколению, достаточно адаптированному в социальной реальности современной Эстонии. Им, как показывают упоминавшиеся социологические исследования,

свойственно надеяться прежде всего на собственные силы и рассчитывать на результаты собственной активности.

Т. Вихалемм и В. Калмус в своем исследовании также приходят к выводу о том, что «самые молодые поколения русских и эстонцев в значительной мере похожи друг на друга. Статистически значимая разница между молодыми людьми из данных этнических групп существует только в отношении двух ментальных структур: молодые эстонцы больше придерживаются шаблона „адаптивность и воссоздание социального капитала“, тогда как молодые русские – шаблона „глобальная ориентация и эмансипация“ [8, с. 111]. Таким образом, не стремление к усилению этнокультурной идентичности, не национальная, а глобальная культурная индустрия, глобальная ориентация и эмансипация в значительной степени влияют и будут влиять на ментальность представителей русской диаспоры в Эстонии.

Результаты проведенных исследований вписываются в вышеизложенную модель Дж. Шварцмантеля «замены политики идеологии политикой идентичности» [1], которая описывает последствия современных глобальных трансформаций применительно к этнокультурным сообществам, сосуществующим в рамках одного государства, и объясняет одну из причин феномена снижения социально-политической активности представителей русской диаспоры в Эстонии.

Основной вывод данной статьи заключается в следующем: несмотря на то, что именно в сфере культуры глобализация и ее разнообразные сценарии подвергаются наиболее массовой критике, в этой области также ощущается существенное влияние глобализационных трендов. Важным проявлением такой системной экспансии современного глобализма является существенная трансформация процессов формирования и сохранения идентичности в пространстве транзитивных обществ. Один из доминантных трендов в этом случае обнаруживает себя в очевидном повышении роли и функций личностной идентичности в сравнении с традиционными формами культурной идентификации и консолидации на этническом и макросоциальном уровнях.

Список цитированных источников

1. Шварцмантель, Дж. Идеология и политика / Дж. Шварцмантель. – Харьков, 2009.
2. Steger, Manfred B. Ideologies of globalization / Manfred B. Steger // Journal of Political Ideologies. – 2005. – 10(1). – С.11–30.
3. Harvei, D. A Brief History of Neoliberalism / D. Harvei. – Oxford, 2005.
4. Симонян, Р. Х. Россия и страны Балтии / Р. Х. Симонян. – М., 2003.
5. Тишков, В. А. Русские как меньшинства (пример Эстонии) / В. А. Тишков // Общественные науки и современность. – 1993. – № 6. – С. 110–124.
6. Маховская, О. И. Соблазн эмиграции / О. И. Маховская. – М., 2003.
7. Ленсмент, А. Жизнь в эмиграции: социально-психологические черты сознания постсоветского эмигранта / А. Ленсмент // Audentese Ülikooli Toimetised. – № 7. – 2005.
8. Вихалемм, Т. Дифференциация ментальностей основных этнических групп в Эстонии / Т. Вихалемм, В. Калмус // Социол. исслед. – 2008. – № 5. – С. 104–114.
9. Симонян, Р. Х. Перемены в массовом сознании российской диаспоры / Р. Х. Симонян // Психол. журнал. – 2004. – Т. 25. № 2.
10. Якобсон, В. Русскоязычные как часть населения Эстонии: 15 лет спустя / В. Якобсон // Мир России. – 2006. – Т. XV. № 4. – С. 143–170.
11. Степанович-Захариевская, Д. Актуальность исследования идентичности в условиях общественной трансформации на Балканах / Д. Степанович-Захариевская // Социол. исслед. – 2008. – № 5. – С. 99–104.
12. Выготский, Л. Проблемы развития психики / Л. Выготский // Собр. соч.: в 6 т. – М., 1983. – Т. 3.
13. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – М., 1992.
14. Tajfel, H. Individuals and groups in social psychology / H. Tajfel // Soc. and Clin. Psychol. / J. Brit. – 1979. – V. 18.
15. Павленко, В. Н. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии. / В. Н. Павленко // Вопр. психологии. – 2000. – № 1. – С. 135–141.
16. Улыбина, Е. Объективные и субъективные факторы отношения этнического меньшинства к этническому большинству / Е. Улыбина, А. Ленсмент, И. Ахмет // Журн. Высш. шк. экономики. – 2010. – 6(4). – С. 94–102.
17. Улыбина, Е. Связь базовых убеждений с отношением к представителям аутгруппы на примере отношения русских к эстонцам / Е. Улыбина, А. Ленсмент, И. Ахмет // Человеческий фактор: Соц. психолог. – 2009. – 2(18). – С. 138–151.
18. Janoff-Bulman, R. A theoretical perspective for understanding reactions to victimization / R. Janoff-Bulman, I. H. Frieze // Journal of Social Issues. – 1983. – Vol. 39. – P. 1–17.
19. Janoff-Bulman, R. Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Applications of the schema construct / R. Janoff-Bulman // Social Cognition. – 1989. – № 7. – С. 113–136.
20. Janoff-Bulman, R. Shattered assumption: Toward a new psychology of trauma / R. Janoff-Bulman. – N. Y., 1992.
21. Майерс, Д. Социальная психология / Д. Майерс. – СПб., 1997.

Дата поступления в редакцию: 13.05.2013.